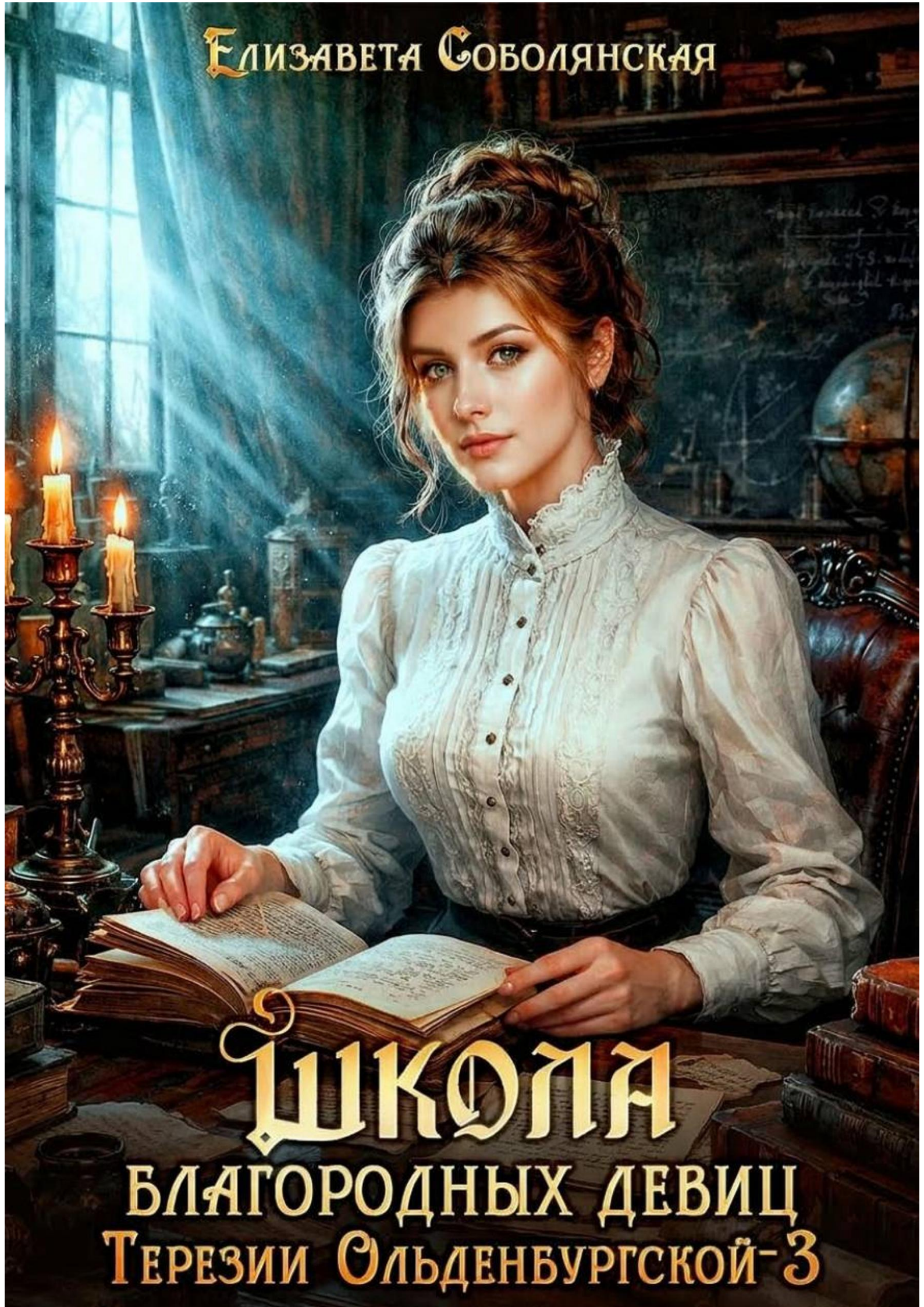

A woman with brown hair styled in an updo, wearing a white lace blouse, is seated at a desk in a study. She is holding an open book and looking towards the camera. The room is dimly lit by a candle on a candelabra to her left. In the background, there is a window with light streaming in, a chalkboard with faint writing, and a globe on a shelf.

ЕЛИЗАВЕТА СОВОЛЯНСКАЯ

ШКОЛА
БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ
ТЕРЕЗИИ ОЛЬДЕНБУРГСКОЙ-3

Школа благородных девиц

Елизавета Соболянская

**Школа благородных девиц
Терезии Ольденбургской 3**

«Автор»

2026

Соболянская Е.

Школа благородных девиц Терезии Ольденбургской 3 /

Е. Соболянская — «Автор», 2026 — (Школа благородных девиц)

Закреть глаза в привычном современном мире, чтобы очнуться в другом — классическая история попаданки. Да не совсем. За окном ездят экипажи, гуляют дамы и кавалеры в приличных эпохе нарядах, а на кончиках твоих пальцев танцует магия! Вот только скромная меблированная комната в доходном доме не предполагает богатого приданого, титула или связей. Все это придется добывать самой И для начала стоит разобраться, почему из зеркала на тебя смотрит лицо прапрабабушки!

Содержание

Герои	5
Пролог	11

Елизавета Соболянская Школа благородных девиц Терезии Ольденбургской 3

Герои

Герцогиня Терезия Ольденбургская, в девичестве Терезия Вильгельмина Фредерика Изабелла Шарлотта Нассауская

Александра Николаевна Пешкова — бывшая учительница, угодившая в РИ.

Прапорщик Медведев Ефим Александрович

Его племянник Медведев Константин

Иван Иванович Семиухов — фельдшер при школе
Вахмистр Леман Исидор Петрович
Подпрапорщик Мясников Потап Иванович

Василий Иванович Булаев — рунист, “викинг”

Мадемуазель Ксения Браницкая — амулетное дело

Пролог

Пасхальный визит императрицы отличался от рождественского, как небо от земли. Никакой почти свиты — три дамы в возрасте Александры Феодоровны или чуть старше. Четыре гвардейца — тоже не мальчики. Сундук с подарками внесли двое солдат в форме гренадерской роты и встали рядом, охраняя.

Александра встретила ее величество, как и положено — на крыльце. На ступенях — дети с цветами в руках, маленький оркестр из преподавателей и работников школы, подношение кулича и пасхи, украшенных бумажными розанами. Пансионерки дружно исполнили “Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...”, потом воскликнули троекратно: “Христос Воскрес”, и ее величество с улыбкой ответила: “Воистину Воскрес!”.

После была долгая процедура христосования, когда императрица лично вручала каждой девочке по яичку после троекратного целования в щеки, при этом яйца были самые разные — деревянные, золоченые, сахарные и шоколадные — их вынимали из закрытой шелковым платком корзинки, чтобы не видно было, какое кому достанется, но все равно пара слезинок скользнула по румяным щечкам, и Саша предполагала, что вечером в дортуаре будут слезы: кому-то хотелось сохранить царский подарок, а кто-то, напротив, мечтал о сладости.

После детей к ее величеству подошли и преподаватели, и слуги — всем досталось “царской милости”, но на самом дне корзинки лежали яйца попроще — деревянные и простые сахарные. Впрочем, слугам и того было довольно.

В школе уже ждал накрытый пасхальный стол — свежий, нарядный и с маленькой изюминкой.

Александра сама не помнила откуда, но в голове засело воспоминание о том, что императрица Александра Феодоровна очень любила баумкухен — особый рождественский пирог, который в германских княжествах традиционно пекли к Рождеству. Сам процесс был долгим и сложным — вертел окунали в жидкое тесто, вращали над углями, запекая до корочки, и снова окунали, добиваясь на срезе “годовых колец”, имитирующих традиционное “рождественское полено”.

Возиться со сложным рецептом Александра не стала — упростила, как могла: велела кухарке застелить противни пергаментной бумагой и выпечь тонкие полотна бисквита. Еще теплые пропитать их апельсиновым сиропом с несколькими каплями коньяка, а потом скрутить, промазывая джемом, в плотный рулет. Не баумкухен, конечно, но что-то близкое по виду и вкусу.

Императрица оценила.

Взяла второй кусочек рулета, задумчиво ковырнула десертной вилочкой и сказала:

— Мадемуазель Пешкова, удивительный десерт, очень напоминает сладости моей юности. Поделитесь рецептом?

— Ваше величество, это семейный секрет. Мне жаль отдавать его в руки повара, который легко продаст или переделает на свой вкус. Если позволите, я предпочту присылать вам рулет к праздникам от имени нашей школы.

Ее величество раздумывала недолго — наверняка знала, что секретов при Дворе мало. К тому же Александра Феодоровна всегда была по-немецки практична и бережлива. Заботилась о здоровье и тонкости талии. Редкий десерт на столе раз в месяц — или рецепт, который могут безжалостно испортить и превратить в банальность?

— Я приму ваше предложение, мадемуазель, — чуть улыбнулась императрица, — ловлю вас на слове — десерт в подарок от школы к каждому двенадцатому празднику.

Саша тихонько выдохнула — двенадцать рулетов в год ее кошелек выдержит. Во всяком случае, она на это надеялась.

Развлекали ее величество на этот раз снова пением. Конкурировать с жесткой балетной дрессурой Смольного Александра не собиралась. А вот хрустальные детские голоса, бережно выстроенные слегка взбалмошным, харизматичным хормейстером, да с тайной поддержкой таланта Евдокии Козловой, произвели впечатление.

Танцевали только младшие — с уверенностью балованных детей они кружились, перебегали с места на место, размахивая зелеными ветвями, украшенными бумажными цветами, и выглядели очаровательно неуклюже, как положено детям.

Сценок из Писания на этот раз не показывали, зато показали гимнастический номер — пансионерки лихо собрались в “пирамиду”, составили из длинных лент подобие ажурной беседки и застыли, давая собой полюбоваться. Потом спрыгнули и разбежались, а на поклон вышли уже не в спортивных шароварах и сорочках, а в приличных платьях.

Императрица аплодировала. Ее дамы вежливо улыбались. Гвардейцы стояли сусликами за креслом, а солдаты — у двери. Все, кажется, было прекрасно, дети вышли на поклон еще раз — все вместе, и тут...

Александра ощутила это всем телом, как неправильность, возникшую прямо в воздухе. Трещину в скорлупе Мироздания. Чью-то подлую волю, сыгравшую по нотам отвратительной пьесы...

Огромная люстра, оставшаяся от прежних владельцев здания, качнулась, звякнула хрустальными подвесками и рухнула вниз, прямо на детей!

В последний момент Саша, почтительно стоящая рядом с императрицей, прыгнула вперед и... магией отбросила тяжелую конструкцию на двойном кожаном ободе в сторону — прямо в окно!

Грохот, звон стекла, испуганные крики — и наконец тишина, пронизанная солнечным светом и влажным после короткого дождя весенним воздухом.

— Мадемуазель, — Александра Феодоровна взглянула на пролом в стене, в котором засели кольца-подставки для свечей, — теперь я вижу, что вы этим детям действительно мать!